

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. В. ИСАЧЕНКО

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ «КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

По вопросу о «категории состояния» как самостоятельной лексико-грамматической категории, объединяющей в русском языке определенный класс слов, в науке имеются, как известно, серьезные расхождения. Такие ученые, как акад. В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов и др., в основном, принимают и развивают высказанную в довольно осторожной форме мысль акад. Л. В. Щербы о возможности выделения в современном русском языке особой части речи, обычно имеваемой «категорией состояния»¹. С другой стороны, в журнале «Вопросы языкознания» была опубликована статья А. Б. Шапиро, в которой автор решительно высказывается против выделения в русском языке «категории состояния» или «предикативов» в особую часть речи². Он считает, что слова, обычно относимые к «категории состояния», характеризуются в русском языке исключительно своей сказуемостной функцией, что при отсутствии ярких морфологических показателей «...недостаточно для определения части речи, к которой относится слово»³. А. Б. Шапиро полагает, что тезис о формировании и активном развитии «категории состояния» в русском языке необходимо аргументировать специальным историческим исследованием, и добавляет: «Такого исследования не существует...»⁴. Действительно, об истории становления и развития «категории состояния» в русском языке мы знаем очень мало. Обыкновенно указывают, что эта категория представляет собой сравнительно новое морфологическое явление⁵. Между тем сравнительную «молодость» рассматриваемой части речи в русском языке следует, конечно, понимать относительно: о позднем возникновении «категории состояния» в русском языке можно говорить лишь сравнительно с формированием таких давно сложившихся частей речи, как имя или глагол. Ведь в специальных исследованиях не раз высказывалась мысль о том, что «категория состояния» отмечается уже

¹ Имеется в виду известная формулировка: «Может быть, мы имеем дело здесь с особой категорией состояния...» — в статье «О частях речи в русском языке» [см. сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 17 (разрядка моя. — А. И.)].

² См. А. Б. Шапиро, «Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи?», ВЯ, 1955, № 2.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 421; ср. также Е. М. Федорук, Отграничение от наречия других частей речи, «Р. яз. в шк.», 1939, № 1, стр. 43.

в древнерусском языке¹. Настоящая статья, конечно, не может заменить специального исторического исследования по данному вопросу; она является лишь попыткой теоретически обосновать существование «категории состояния» в русском языке, опираясь на обследование фактов древнерусского языка в сопоставлении с фактами некоторых родственных языков.

Вопрос о возникновении «категории состояния» или «предикативов» как особой части речи тесно связан с историей семантико-грамматического развития глагола *быть*. Именно этот путь и был указан акад. В. В. Виноградовым, полагавшим, что «историю категории состояния необходимо ставить в связь с судьбой глагола *быть*»². Судьба глагола *быть*, в свою очередь, теснейшим образом связана с развитием в индоевропейских языках разных типов выражения сказуемости.

В своей классической работе, посвященной именному предложению в индоевропейских языках, А. Мейе убедительно показал, что в индоевропейском языке-основе формы корня **es-* представляли собою полнозначное, самостоятельное слово, еще не успевшее стать вспомогательным, служебным элементом предложения³, т. е. еще не превратившееся в связку. Восстановить исконное конкретное значение глагольной основы **es-* очень трудно, так как в исторически засвидетельствованных языках конкретное значение данного глагола было уже повсюду утрачено. Общее значение «пробытия в определенном состоянии» или «пробытия в том или ином месте», о котором говорит В. В. Виноградов⁴, является, несомненно, результатом длительного развития, одним из этапов на пути к полной грамматикализации данного глагола. В большинстве индоевропейских языков глагольная основа **es-* вошла в супплетивную связь с глагольной основой **bhū-* (ср. др.-инд. *āsti* «есть» — *ābhāt* «был»; лат. *est* — *fuī*; ст.-слав. *есмь* — *бѣахъ* — *быхъ* — *бѣхъ* и т. п.). Корень **bhū-* сохранил свое исконное реальное значение только в греческом, армянском и албанском языках (ср. греч. *φύω* «я стану», арм. *businam* «я расту», алб. *bimë* «растение»). В тех языках, в которых корень **es-* вошел в супплетивную связь с корнем **bhū-*, реальное его значение «расти, произрастать» стерлось. Промежуточным звеном при переходе значения «расти» > «быть» можно считать значение «становиться»⁵.

Уже в древнейших дошедших до нас письменных памятниках глагол **es-/bhū-* может выступать в качестве служебного слова, лишеного какого бы то ни было реального значения. При помощи этого глагола просто утверждается (или отрицается), что то или иное свойство, тот или иной признак, та или иная «форма существования» присуща данному предмету мысли. Достаточно сослаться на древнейшие латинские надписи, относимые ко времени около 500 г. н. э., в которых встречается связка в форме *esed* (надпись на форуме) или *sied* (надпись «Дуэноса») с функцией показателя наклонения⁶.

¹ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949, стр. 70—71.

² В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 402.

³ См. А. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», t. XIV, fasc. 1, 1906, стр. 23.

⁴ См. В. В. Виноградов, указ. соч., стр. 402 (примечание).

⁵ Параллель к семантическому переходу «расти» > «становиться» находим, например, в английском языке, где глагол *to grow* обозначает «расти» (*the grass grows* «трава растет») и «становиться» (*he grows old* «он становится старым, стареет»).

⁶ См. И. М. Троицкий, Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 148, 151—152.

Таким образом, в индоевропейских языках возникает новый тип слова, отличающийся от полнозначного глагола отсутствием какого бы то ни было реального значения. Этот тип слова — связка (называемая также А. А. Потебней и другими «глаголом-существительным»). Многие лингвисты считают связку особой частью речи¹. Акад. А. А. Шахматов указывает, что «смысл связки, ее основная задача состоит в том, чтобы выразить те временные отношения, которые не могут быть выражены неглагольными сказуемыми самими по себе»². В связи с появлением связки в ряде индоевропейских языков необходимо охарактеризовать основные типы выражения сказуемости в этих языках.

*

Традиционная синтаксическая теория исходит из двух основных типов выражения предикации, различая именные и глагольные предложения. К какому же из этих двух основных типов следует отнести предложения, в которых предикация осуществляется при помощи связки? Одни ученые включают связочные предложения в состав именных, считая эти последние лишь разновидностью бессвязочных, другие относят связочные предложения к глагольным, руководствуясь формальным признаком: глагол-связка сохраняет морфологические признаки глагола. Анализируя типы индоевропейского предложения, А. Мейе устанавливает следующие основные типы:

1) именные предложения, подразделяемые им на чисто именные (например, греч. *παρ' ἐμοῦ καὶ ἅλλοι* «рядом со мной еще и другие») и на именные, сочетающиеся с глаголом *быть* (например, лат. *Aulus bonus est* «Авл добр»);

2) глагольные предложения, подразделяемые на чисто глагольные (например, лат. *veni* «я пришел») или осложненные разного рода дополнениями или обстоятельствами (например, лат. *donum jero* «я приношу дар», *Romae taneo* «я пребываю в Риме» и т. п.) и на глагольно-именные, в которых именной член непосредственно примыкает к глаголу (например, ст.-слав. *паде ницъ*, лат. *creat aliquem consulem* «он избирает кого-либо консулом» и т. п.)³.

Как видно, А. Мейе относит предложения, содержащие *est*, к именным, рассматривая формы глагола *быть* как связку. По его мнению, связка была введена в именное предложение вследствие того решающего значения, которое приобрел в индоевропейских языках глагольный тип предложения, обусловивший «обязательное употребление глагольной формы в известных случаях»⁴. Эту гипотезу принимал, в основном, и А. М. Пешковский⁵. Однако для индоевропейского языка-основы, точнее — для той стадии его развития, когда супплетивный глагол **es-/bhū-* еще сохранял свой глагольный характер, обусловленный его реальным значением, предложения с **esti* вряд ли можно считать именными: на этом этапе развития такие предложения являлись еще разновидностью глагольных. С другой стороны, для исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, например для латинского, предложения с *est* уже нельзя называть глагольными, ибо здесь формы глагола *esse* успели в определенных случаях лишиться своей

¹ См. «Современный русский язык. Морфология», [М.], 1952, стр. 469.

² А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, вып. 1, Л., 1925, стр. 167.

³ А. Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes, 6-е éd., Paris, 1924, стр. 317—320.

⁴ Там же, стр. 317.

⁵ См. А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 3-е изд., М.—Л., 1928, стр. 295—296.

«глагольность», т. е. превратились в связки. Следовательно, предложение типа *Aulus bonus est* следует рассматривать в латинском языке как новый тип предложения: перед нами предложение связочное (копулятивное).

Полемизируя с А. Мейе, его ученик Э. Бенвенист, наоборот, относит предложения, содержащие форму глагола *быть*, к глагольным¹. По мнению автора, латинское предложение *est mundus* «мир существует» не отличается от предложения *stat mundus* «мир стоит»². Это вполне справедливо, поскольку в предложении *est mundus* мы имеем дело с глагольным («экзистенциальным») значением глагола *esse*. Но это только особый и вряд ли самый характерный случай употребления формы *est* в латинском языке.

На основании всего сказанного можно выделить связочный тип предложения в особую рубрику. Таким образом, для ряда индоевропейских языков можно будет наметить следующие основные типы выражения сказуемости:

1) собственно именные (бессвязочные) предложения: греч. πάντων χρημάτων μέτρον ἐστὶν ἄνθρωπος «всем вещам мера человек», лат. *mens sana in corpore sano* «здравый дух в здоровом теле» и т. п.;

2) связочные предложения: греч. ἡ Κρήτη νῆσός ἐστι «Крит есть остров», лат. *Aulus bonus est*, ст.-слав. *вельъ есть въра твоѣ* (Мар., Мф. XV, 28)³;

3) собственно глагольные предложения: греч. ἐβλέπεον τὴν θάλατταν «мы видели море», лат. *Manios med fejaked Numasioi* «Маний меня сделал для Нумерия» (Пренестинская заставка), ст.-слав. *Видѣхомъ бо зѣпадъ (къ) на вѣстоу и приидомъ поклонитъ сѧ* (Мар., Мф. II, 2);

4) глагольно-именные предложения: лат. *Hannibal princeps in proelium ibat* «Ганнибал ходил первым в бой», ст.-слав. *что мѧ глѣши блага* (Мар., Мф. X, 18).

Оставляя в стороне вопрос об исконности собственно именных (бессвязочных) предложений в языке-основе, отметим, что в ряде исторически засвидетельствованных индоевропейских языков, древних и современных, бессвязочное именное предложение не может считаться вполне обычным, стилистически нейтральным типом предложения, каким является глагольное или связочное. А. Мейе указывал, что необходимо для каждого языка поставить вопрос, содержит ли именное предложение глагол *быть* или нет, а там, где этот глагол существует, является ли его употребление постоянным (constant) или же ограниченным определенными случаями⁴.

¹ E. Benveniste, La phrase nominale, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. 46, fasc. 1, 1950, стр. 25.

² Там же, стр. 28.

³ Древнерусские примеры приводятся в упрощенной орфографии. Для обозначения источников приняты следующие сокращения: Мар. — Марийское четвероевангелие, СПб., изд. И. В. Ягича, 1883; Зогр. — Зографское четвероевангелие, Берлин, изд. [И.] В. Ягича, 1879 (на лат. яз.); Ио. — от Иоанна, Мф. — от Матфея, Лук. — от Луки, Мр. — от Марка; Клоц. — «Клоцев сборник», изд. В. Вондрака («Glagolita cloživa», vyd. V. Vondrák, Praha, 1893); Супр. — «Супрасльская рукопись», изд. С. Семерянова, СПб., 1904; Сии. треб. — «Синайский требник», изд. Р. Нахтигала (R. Nahlthal, Eusebiologium sinaiticum, Ljubljana: I — 1941; II — 1942); Лавр. — «Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г.», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М. — Л., 1950; Ип. — Летопись по Ипатскому списку, СПб., изд. Археографической комиссии, 1871; Новг. — Новгородская летопись по Синодальному списку, СПб., изд. Археографической комиссии, 1888; Троиц. — М. Д. Приселков, Троицкая летопись, М. — Л., 1950; «Поуч. — «Поучение Владимира Мономаха (по Лавр.)»; «Правда» — «Правда Русская» по Троицкому списку, М. — Л., изд. АН СССР, 1940; «Слово о п. И.» — «Слово о полку Игореве», под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, М. — Л., «Academia», 1934; Киев. свод — А. А. Шахматов, Киевский летописный свод XII века, в кн. «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов», под ред. С. П. Обнорского, М. — Л., 1947, стр. 113. В цитатах из летописей цифры обозначают год, под которым засвидетельствована данная цитата; в цитатах из святилий римская цифра обозначает главу, арабская — стих.

⁴ A. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, стр. 1.

Подобную мысль высказывает и Э. Бенвенист: «Положение именного предложения меняется в зависимости от того, имеется ли в данном языке глагол *быть* или нет, и, следовательно, является ли именное предложение выраженным возможным, или же выражением необходимым»¹. А. Мейе отмечает, что бессвязочные именные предложения встречаются во всех индоевропейских языках, но более или менее широкое распространение они нашли лишь в индо-иранских языках, в древнегреческом, латышском и литовском, а также в древнеирландском языке. Во всех остальных языках (включая сюда старославянский, латинский и готский) бессвязочные предложения «являются более или менее изолированной аномалией»². Перейдем к рассмотрению грамматических, семантических и стилистических условий существования этой «аномалии».

Нет оснований сомневаться в том, что глагольный тип предложения в индоевропейском языке-основе является наиболее распространенным, наиболее привычным, стилистически нейтральным типом предложения вообще. Об этом косвенно свидетельствует хотя бы тот факт, что категории времени и наклонения, свойственные всякой предикации, нашли в индоевропейских языках морфологическое выражение лишь в глагольной парадигме. Глагольное предложение безусловно возобладало в большинстве индоевропейских языков³. Исходя из этих фактов, А. М. Пешковский и мог прийти к известной своей формуле: «сказуемость построена на глагольности»⁴.

В целом ряде индоевропейских языков форма глагола *быть* обязательно во всех типах неглагольных предложений, начиная с так называемых «уравнительных», в которых подлежащее и сказуемое выражены одной и той же частью речи, и кончая разными типами «составного сказуемого», например: лат. *Siçilia insula est* «Сицилия есть остров», нем. *Wollen ist Können und Können ist Müssen* (дословно непереводимо; по смыслу: «Кто хочет, тот может, а кто может, тот должен»), лат. *puer bonus est* «мальчик добр», франц. *l'homme est bon* «человек добр», нем. *der Mensch ist gut* (то же), англ. *the child is ill* «ребенок болен», словацк. *diet'a je choré* (то же), словенск. *otrók je solán* (то же) и т. д. Однако наряду с нормальными связочными предложениями встречаются случаи бессвязочных, собственно именных построений. Вот некоторые из них:

1) высказывания, претендующие на «общее значение», всякого рода сентенции, пословицы, поговорки, правила, тезисы, например: греч. *πῶς καὶ οὗτος* «дурной сосед — несчастье» (Геспод), *σοφὸς δὲ ἢ προμυθῆναι* «предвидение — мудрость», лат. *omnis homo mortalis* «всякий человек смертен», нем. *ein Mann, ein Wort* «мужчина — это слово» (дословный перевод), словацк. *mladost — radost* и т. п. Эти предложения обыкновенно считаются «вневременными»⁵. Прав Э. Бенвенист, считающий, что предложения этого типа не являются предложениями с «нулевой» связкой⁶, ибо бессвязочные предложения этого типа и связочные типа *Aulus bonus est* не являются вариантами одного и того же типа утверждения. Бессвязочные

¹ E. Benveniste, указ. соч., стр. 25.

² A. Meillet, *La phrase nominale en indo-européen*, стр. 154.

³ Оставим в стороне сложный вопрос о месте именного предложения в древнеиндийском.

⁴ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 197.

⁵ Акад. А. А. Шахматов их называет «не обусловленными во времени» (ср. указ. соч., стр. 168).

⁶ E. Benveniste, указ. соч., стр. 27.

конструкции — абсолютны, связочные — описывают обстановку, приписывают признак¹.

2) предложения, построенные по типу «чем — тем», например: лат. *quo difficilius, hoc praeclarius* «чем труднее, тем славнее» (Цицерон)², нем. *je eher, desto besser* «чем раньше, тем лучше», англ. *the sooner, the better* (то же), словацк. *čím skôr, tým lepšie* (то же) и т. п.;

3) стоящие особо случаи эмфатического пропуска связки во всякого рода восклицаниях, риторических вопросах, эмотивных высказываниях; ср. лат. *Cur hostis Spartacus, si tu civis?* «почему Спартак враг, раз ты гражданин?» (Цицерон), *quae mutatio rerum!* «какая перемена!», нем. *welch ein Unglück!* «какое несчастье!», англ. *what a pity!* «как жалко!», франц. *quel dommage!* (то же), чеш. *jaká škoda!* (то же) и т. п.;

4) бессвязочные построения, встречающиеся после указательных слов, соответствующих русскому «вот»: ср. лат. *hic Rhodus, hic salta, ecce me* «вот я», франц. *voilà une chance* «вот шанс» и т. д.;

5) бессвязочные конструкции, встречающиеся как стилистический прием в относительных предложениях: ср. нем. *er kaufte alles, was gut und teuer* «он покупал все, что (было) доброкачественно и дорого», *ein Mädchen, das noch jung* «девушка, которая еще молода», др.-чеш. *a jenz ještě netvrd v nohy* «и который еще не тверд в ногах» (Alex. V, 186). В приведенных случаях связочная конструкция не только вполне возможна, но и более обычна;

6) случаи связки в предложениях, в которых сказуемое выражено сравнительной степенью прилагательного: ср. греч. *κρείσσων γὰρ βασιλεύς* «ибо царь сильнее» (Гомер).

От приведенных типов бессвязочных предложений принципиально отличаются бессвязочные построения, лишенные стилистической квалификации, но выражающие разного рода модальные оттенки (возможности, невозможности, допущения, недопущения, необходимости, долженствования) или предикативную оценку («странно», «смешно», «выгодно» и т. п.). Здесь греческий язык расходится с латинским: в греческом построения подобного типа оформляются, как правило, в настоящем времени без формы глагола *быть*, в то время как в латинском языке явное предпочтение отдается конструкции с *est*. В качестве сказуемого выступают либо исконные существительные, либо формы прилагательных. Вот несколько примеров для греческого языка:

ἀνγκή: 1) существительное «необходимость»; 2) в качестве сказуемого «необходимо», обыкновенно без *ἐστί*;

ώρα: 1) существительное «время года, год, час»; 2) в качестве сказуемого «пора»: ср. *ώρα δὲ δευτεῖν πλῆν ἤν* (Ксенофонт) «нам всем уже пора есть», обыкновенно без *ἐστί*;

καιρός: 1) существительное «подходящий момент»; 2) в качестве сказуемого «пора»: ср. *καιρός ἤν διαλῆν τῶν στρατιῶν* (Ксенофонт) «пора уже распустить войско», обыкновенно без *ἐστί*;

ἔστις: 1) существительное «закон, обычай, право»; 2) в качестве сказуемого «можно, дозволено»: ср. лат. *fas est*, обыкновенно без *ἐστί*;

χρῆ: 1) существительное «необходимость, потребность»; 2) в качестве сказуемого «необходимо, нужно» (см. ниже) и *мн. др.*

Большинство указанных слов выступает в функции сказуемого без *ἐστί* в настоящем времени. Некоторые из этих исконных существительных почти полностью утратили связь с существительным: такие слова, как

¹ Там же, стр. 33.

² A. C. Juret, *Système de la syntaxe latine*, Paris, 1926, стр. 68. См. там же другие примеры.

ἔστις или ἔστω, выступают только в качестве сказуемого, не имеют при себе артикля (что характерно для всякого предикативного употребления имен существительных), не имеют форм множественного числа, не склоняются и не могут быть определяемы прилагательным или местоимением. У этих слов возникает конфликт между их морфологической характеристикой и их синтаксической функцией. Поскольку в греческом языке предикация тесно связана с глаголом или со связкой, грамматические категории времени и наклонения, свойственные предикации как таковой, выражаются формой глагола или связки. Происходит то, что греческие грамматисты называли «кразис», т. е. смешение категорий: исконные существительные сливаются со связкой, «оглаголиваются». Так, старое существительное ἔστω «необходимость» обрывает глагольными окончаниями и начинает спрягаться: исторически засвидетельствованы почти все формы времени и наклонения этого своеобразного гибрида: конъюнктив ἔστω, опатив ἔστω, инфинитив ἔστω, имперфект ἔστω или ἔστω и т. д.¹ С переходом исконного существительного в класс глаголов ликвидируется конфликт между старой формой и новым содержанием: из существительного ἔστω рождается новый модальный глагол ἔστω.

В латинском языке, допускающем бессвязочные построения лишь в очень ограниченной мере, подобные конструкции обычно содержат в настоящем времени форму глагола *esse*:

opus: 1) существительное «дело, труд»; 2) в качестве сказуемого *opus est* «пужно, необходимо». Наблюдается отсутствие согласования в числе: *multa mihi opus sunt* «я нуждаюсь во многом». Точно так же обстоит дело и в построениях с *fas est* «можно, дозволено», *nefas est* «нельзя», *usus est* «надо» и т. п.

Остановимся на архаизме *potis*, *pote*, употребляющемся с формами глагола *esse* и без них в качестве сказуемого и соответствующем русскому «он в состоянии, он может»; ср. *nec corpus potis est cerni* (Лукреций) «и тело не может быть видимо», *quis potis ingentes oras evolvere belli* (Вергилий) «кто может описать начало и конец (дословно: безграничные пределы) войны?». Слово *potis* является древним существительным, этимологически соответствующим др.-инд. *pátih* «хозяин, властелин, супруг», лит. *pàts* «супруг»; тот же корень имеется, повидимому, в слов. **gos-podь*. Однако в латинском языке слово *potis* уже не ощущается как имя существительное: сочетания *potis est* и вторичное *pote est* в дальнейшем сливаются в одно целое и дают модальный глагол *potest* «он может», к которому впоследствии образуется целая парадигма: *possum*, *posse*, *potui* и т. п.² Таким образом, *potest* включается в серию латинских глаголов, возникших из предикативных сочетаний предлогов с глаголом *esse*: *interest*, *abest*, *deest*, *inest*, *prodest*, *praeest*, *superest*.

Имеются также прилагательные, выступающие в форме среднего рода единственного (в греческом также множественного) числа в качестве сказуемого. В греческом их значительно больше, чем в латинском, где форма глагола *esse* почти всегда обязательна. Приведем для греческого формы *θαυμάσιον* (без *ἐστί*) «странный, удивительно», *ἐτοίμος* «готовый» (ср. *ἐτοίμος* «я готов» без *ἐστί*), *δίκαιον* или *δίκαια* «справедливо» (без *ἐστί*) и др. В латинском языке число таких прилагательных, употребляющихся без *est*, очень ограничено: обычно приводятся только формы *mirum* «странный, удивительно» и *ridiculum* «смешно». Особого внимания заслуживает *necesse est* «нужно, надо, необходимо», встречающееся исключительно только в

¹ Ср. специальное исследование: G. R e d a r d, Recherches sur XPH, XPH ΣΘ AI. Etude sémantique, Paris, 1953.

² Ср. A. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots, Paris, 1932, стр. 761—762.

функции сказуемого. Сочетание *necesse est* в позднейших памятниках сливается в одно целое и дает форму *necessest*, от которой образуется вторичный инфинитив *necessesse*¹.

Итак, в греческом и латинском языках намечался особый разряд слов, охарактеризованных внутренним противоречием между их «именным происхождением» и новой сказуемостной функцией. В отдельных случаях этот конфликт устранялся посредством перевода данных слов в класс глаголов. Подобные случаи «красиса» мы наблюдаем и в ряде современных языков; ср. итал. *bisogna* (франц. *besoin* «необходимость, нужда»), принимающее в предикативном употреблении глагольные окончания (например, имперфект *bisognava* «надо было»), серб. *treba*, восходящее к существительному **trēba* и образующее прошедшее время при помощи глагольного суффикса -*lo* в сочетании с вспомогательным глаголом: *trebalo je*, словацк. диал. *trebalo* «надо было», чеш. *nelze* «нельзя» и ныне устаревшее *nelzelo* «нельзя было» и др. В единичных случаях этот конфликт между старой формой и новым содержанием так и остался грамматически не разрешенным. Таким образом, в составе греческого и латинского языков оказалось несколько «беспризорных» слов, успевших уже отойти от именной парадигмы, но еще не успевших сформироваться в особую часть речи. Вот почему традиционная грамматика, базирующаяся, в основном, на изучении классических языков, оставила эти слова без внимания. Связочный тип греческого и латинского предложения не был вытеснен бессвязочным, так что в данном случае формы глагола *быть* продолжали восприниматься как связки и не могли быть использованы в качестве аналитических показателей времени и наклонения.

Обратимся теперь к данным старославянского языка, имеющим много общего с только что рассмотренными фактами греческого и латинского языков.

*

Внедрение именных (особенно партиципальных) форм в состав сказуемого, имевшее место еще в общеславянский период (ср. формы сложных времен в сочетании с причастием на -*ль*), не повлекло за собою существенных изменений в отношении общего типа славянского предложения, которое оставалось, в основном, предложением глагольным и связочным. В сочетаниях типа ст.-слав. *сѣтворилъ есмь, сѣтворилъ бѣахъ, сѣтворилъ бѣхъ, сѣтворилъ бимъ* и т. п. формы глагола *быти* превратились в формы вспомогательного глагола. На фоне общего глагольного строя славянского предложения аналитические формы времени и сослагательного наклонения прочно вошли в систему глагольных форм. У неглагольных предложений преобладающим типом выражения сказуемости является в старославянском (и в ряде других славянских языков) связочное предложение.

Употребление бессвязочных предложений в старославянском совпадает в общих чертах с употреблением этих построений в греческом языке библейских переводов. Чтобы не быть голословным, приведем типичные случаи:

1. Бессвязочные конструкции встречаются довольно часто в таких предложениях, в которых сказуемое, выраженное нечленной формой прилагательного, стоит на первом месте предложения: *благени ниции ѿзюмъ* (Мар., Мф. V, 3) *μὴ κρίναι οἱ πτωχοὶ τὸ πνεύματι*; *пространа врата и широка пѣть* (Мар., Мф. VII, 13) *πλατὴν ἢ πόλιν καὶ εὐρύχωρος ἢ ὁδὸς*;

¹ Параллельный, хотя и единичный случай слияния существительного с формой глагола *быть* имеется, если это только не опечатка, в гот. *karist* (Ио. X, 13) из *kara* «забота» (англ. *care*) и *ist*.

блѣсна ты въ женахъ (Мар., Лук. I, 42) *εὐλογημένη σὺ ἐν γυναῖκιν* и т. п. В этих случаях в греческом оригинале имеется также бессвязочная конструкция, восходящая, очевидно, в свою очередь к подражанию именным конструкциям в семитических языках (библизм).

2. Бессвязочные конструкции обычны в инфинитивных придаточных предложениях следствия после союза *ѣко* в значении «так что», греч. *ὥστε*, например: *і се трѣхъ великъ бысть въ мори. ѣко покрывати сѧ кораблю вълнами* (Мар., Мф. VIII, 24) «так что корабль покрывался волнами»... *ὥστε τὸ πλοῖον καλύπτεσθαι ὑπὸ τῶν κυμάτων; творить вътеи великѧ. ѣко мошти сѧи. ѣго птицама ѣбскимъ витати* (Мар., Мф. IV, 32)... *ὥστε δυνάσθαι... κατακτείνων; и исрули ѧ, ѣко народу дивити сѧ* (Мар., Мф. XV, 30—31) «... так что народ удивился»... *ὥστε τὸν ὄχλον θαυμάζει*. Бессвязочные построения даны уже в греческом оригинале.

3. Предложения с пропущенной формой глагола *быть* в значении «находиться, пребывать» встречаются под влиянием греческого оригинала в локулизирующих предикациях после относительного местоимения *иже* и его форм, например: *да оутѣмы та ны, Аже тоу* (Клок. II, 810). В подавляющем большинстве случаев греческая конструкция с *ἐστὶ* передается, однако, в старославянском языке построением с формой глагола *быть*, например: *Отче нашъ, иже си на нбѣхъ* (Мар., Мф. VI, 9) *πάτερ ἡμῶν, ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς*¹.

4. Предложения с пропущенной формой глагола *быть* в том же значении «находиться, пребывать» встречаются также после местоименных наречий (вопросительных, относительных, указательных) со значением места, несомненно, под влиянием греческого языка, например: *идеже тѣло, тоу орьли сѧемлѧ жтѣ сѧ* (Мар., Лук. XVII, 36) *ἐποὺ τὸ σῶμα...; идеже бо естъ σκροπιце ваше, тоу и срѣце ваше* (без *есть*) (Мар., Мф. VI, 21) «... ἐκεῖ ἔσται καὶ ἡ καρδία σου»².

5. Бессвязочные построения встречаются под влиянием греческого оригинала после указательного слова *се*, например: *они же рѣша ги се ножа сѣде двѧ* (Мар., Лук. XXII, 38) *ἰδοὺ μάχονται ὧδε δύο*.

Для изучения старославянского синтаксиса наиболее показательными являются, как известно, те случаи, где старославянский перевод расходится с греческим оригиналом. Случаи такого расхождения в отношении употребления связки довольно многочисленны. Они отчасти собраны в работах А. Мейе³, Н. К. Грунского⁴, О. Грюненталя⁵ и др. Характерно, что греческие бессвязочные конструкции передаются в старославянском языке, как правило, построениями со связкой, например: *достойно бо естъ дѣлатель мѧзды своеѧ* (Мар., Лук. X, 7) *ἀξιὸς γάρ ὁ ἐργάτης τοῦ μισθοῦ αὐτοῦ; что естъ нама и тебѣ* (Мар., Мф. VIII, 29) *τί ἡμῖν καὶ σοὶ и мн. др.* Обратные примеры, т. е. такие, в которых греческой связочной конструк-

¹ Связка отсутствует в данном случае также в готском языке (очевидно, под влиянием того же греческого оригинала); ср. *Atta un-ar fu in himilnam*, в то время как в древневерхненемецком связка налицо, повидимому, под влиянием латинского оригинала; ср. *Fater unsēr, thu in himilon bist* (Вейссенбургский катехизис), *fater unsēr, dū pist in himilum* (франкское «Отче наш»), *fater unsēr, thū pist in himile* (сакс-галленское «Отче наш»); ср. лат. *qui es in coelis*.

² В другом месте греч. *ἔσται* переводится связкой в будущем времени: *тоу и срѣце ваше бѣдетъ* (Мар., Лук. XII, 34).

³ A. Meillet, La phrase nominale en indo-européen, t. p. 20; е го же, Le slave commun, 2-е éd., Paris, 1934, стр. 475.

⁴ Н. К. Грунский, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. II, Юрьев, 1910 [обл.: 1911], стр. 308—310.

⁵ O. Grunenthal, Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung, «Archiv für slavische Philologies», Bd. XXXII, 1911 [обл.: 1910], стр. 40—41.

ции соответствовала бы в старославянском языке конструкция бессвязочная, в литературе не отмечены.

Связка появляется в старославянском языке в сочетаниях с разного рода именными формами, обозначающими ту или иную модальность даже тогда, когда в греческом языке имеется бессвязочная конструкция, например: *не възможно есть* (Мар., Лук. XVII, 1) ἀνεύθυντον ἐστιν; *весь возможно тебя съятъ* (Мар., Мф. XIV, 36) πάντα θανάτῳ σοι; *аште есть възможно* (Зогр., Мф. XXIV, 24) εἰ θανάτῳ; *едино же есть на погрьбх* (Мар., Лук. X, 42) ἐνός δέ ἐστιν χρεῖα; *нѣсть трьбъ плакати сѧ* (Супр. 102, 15—16); *ни въ земли ни въ гнои трьбъ есть* (Мар., Лук. XIV, 35) οὐθέν ἐστιν; *нѣсть ми лѣтъ* (Супр. 170, 22)¹; *аште е лѣтъ пожитати женѧ своиѧ на вѣско врьмѧ* (Клоц. I, 127—129); *есть ли ти годъ игоумень и братиѣ вѣ* (Син. треб., 92а, 18—19); *или нѣсть ми лѣтъ сътворити въ соицѣхъ ми еже хошѧ* (Мар., Мф. XX, 15), где *нѣсть лѣтъ* передает *οὐκ ἔστι*, лат. *non licet* «не дозволено»; *неволь бо есть прити скандѧломъ* (Мар., Мф. XVIII, 7) ἀνάγκη γάρ ἐλθεῖν τῷ σκάνδαλῳ, где в греческом оригинале бессвязочная конструкция с ἀνάγκη.

Модальные выражения типа *возможно есть*, на *погрьбѧ есть*, на *пользѧ есть*, *подобѧ есть* «подобает» не утратили связи с соответствующими существительными и прилагательными, хотя в отдельных случаях такие сочетания и переходят полностью в класс глаголов; ср. *подобѧ есть > подобаетъ, годъ есть > русск. годится*, чеш. *hodise*, позднейшее *долженствовать*. С точки зрения старославянского языка формы *лѣтъ*, *неволь*, *трьбъ*, *годъ* являются застывшими надежными формами, семантически не связанными с именем существительным. Этимология слова (*нѣсть*) *лѣтъ* не ясна.

И тем не менее в старославянском языке нельзя говорить о формах «категории состояния» или о «предикативах», так как приведенные немногочисленные слова лишены общего формального признака: они употребляются в настоящем, в прошедшем и в будущем времени в качестве именного члена присвязочного сказуемого в привычных для старославянского языка связочных конструкциях.

Бессвязочные конструкции с модальным значением в старославянском языке исключительно редки; можно привести место из Ассеманиева евангелия *како не оудобѣ имѧштиимъ богатство въ цѣсарство божие вънити*, где форма *не оудобѣ* употребляется без связки и передает греческое наречие *δυσκόλως* «трудно»². Интересна конструкция *ѣкоже ты хоцещи, ѣкоже ти любо* (Син. треб., 72б, 13—14). Этот случай особенно интересен тем, что он является переводом из древневерхненемецкого, где имеется связочная конструкция: *sôso dû iuellēs enti dino canâdâ sîn* (Молитва св. Эммерама).

Необходимо было несколько подробнее остановиться на фактах некоторых родственных языков для того, чтобы создать нужную перспективу для обследования фактов русского языка, к которым мы теперь и приступаем.

В отличие от родственных славянских и большинства других индоевропейских языков, русский язык характеризуется необыкновенно широким употреблением бессвязочных построений в настоящем времени. Бессвязочные предложения представлены в русском языке весьма разнообразными типами, так как бессвязочная конструкция здесь не ограничивается ни стилем, ни амфазой. Бессвязочные конструкции в русском языке являются

¹ Ср., однако, *не лѣтъ съпати сѧ инако* (без связки) (Супр. 370, 16).

² В Маринином евангелии имеем другую конструкцию: *како не оудобѣ имѧштемъ богатство въ цѣрствие бжје въидѧтъ* (Лук. XVIII, 24).

такими же «нормальными» предложениями, как и глагольные. Еще М. В. Ломоносов писал: «Глагол *есть* свойственно в российском языке разумеется и редко явно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах»¹.

Условия возникновения и распространения бессвязочных построений в русском языке мало изучены. А. И. Соболевский считал, что бессвязочные предложения возникли в русском языке из бессвязочных конструкций, свойственных всякого рода поговоркам и сентенциям, вроде греч. *ὁὐκ ἔστι τι* или лат. *summit jus, summa injuria*². В древнерусской литературе мы действительно находим образцы таких поговорок, оформляемых без связки, например: *льноть бо всему мати* («Поуч.») или же *и есть притча и до сего дне: «бѣда аки в Роднѣ»* (Лавр. 980). Но вряд ли такие предложения, как *ночь; темно; отецъ дома; что с тобой?; экий ты упрямец!; мальчикъ болен; мне скучно; тебе какое дело; намъ здѣсь больше не бывать* и т. п. могут быть возведены непосредственно к стилистически квалифицированным синтаксическим единицам, подобным приведенной «притче».

А. М. Пешковский также склонен был думать, что безглагольные предложения в русском языке являются прямым продолжением индоевропейских безглагольных предложений и восходят непосредственно к построениям типа *сколько голов — столько умов, один ум хорошо, а два лучше* и т. п.³. Такое толкование страдает некоторой прямолинейностью и схематизмом.

Сравнение с другими славянскими языками (в том числе и со старославянским) убедительно показывает, что в общеславянском языке обычными типами предложения были предложения глагольные и связочные, а бессвязочные предложения были исключительно редки и ограничивались особыми случаями. Поэтому появление большого количества разнотипных бессвязочных предложений в русском языке является не непосредственным продолжением индоевропейского или общеславянского положения вещей, а новшеством, свойственным лишь восточной группе славянских языков и сказавшимся в утрате связки в настоящем времени. Это новшество относится, по всем данным, еще к доисторическому периоду. Ссылаясь на многочисленные примеры из древнерусских памятников, в которых связка отсутствует (например, *новгородци правы, а Ярослав виноват*), акад. А. А. Шахматов писал: «Уже это делает вероятным, что предложения бессвязочные восходят в русском языке к глубокой древности»⁴. Эта мысль акад. А. А. Шахматова полностью подтверждается фактами. Начиная с древнейших памятников, пропуск связки в третьем лице единственного числа является в древнерусском языке нормой. Необходимо, однако, отличать случаи, в которых пропуск связки вызван влиянием старославянского языка и носит на себе более или менее явную стилистическую печать, от тех случаев, в которых пропуск связки отражает живые нормы древнерусского разговорного языка.

В церковно-книжных текстах и контекстах связка пропускается в тех же случаях, как и в старославянском языке, например: *блажен мужъ мѣлуя и дая* (Лавр. 996), *идеже множество грѣхов, ту видѣнья всякого показаніе* (Лавр. 1093), и т. п. Для древнерусского языка особенно показательными являются случаи пропуска связки в передаче прямой речи. Вот основные типы построений, в которых пропуск связки в древнерусском языке имеет место с большой последовательностью:

¹ М. В. Ломоносов, Российская грамматика, § 18 (Полное собр. соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 564).

² А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, 3-е изд., М., 1903, стр. 258—259.

³ См. А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 295—296.

⁴ А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 168.

1. Во всякого рода идентифицирующих и локализирующих предикациях типа на *Лыбеди Печеньзи* (Лавр. 968), *по истинь лжа то* (Лавр. 1071), *бог свѣдѣтель тому* (Лавр. 1097), *убо смерть нам зѣтъ* (Ип. 1111) и *мн.* др.

2. В предложениях, содержащих указательное местоимение *се*: *и рѣста: «Чий се градокъ?»* (Лавр. 862), *се твоє дѣтя* (Ип. 1114), *се не дивно* (там же). Древнейшим примером является приписка к Остромирову евангелию 1056—57 гг.: *се коньчѣ*. Наряду с этим встречаются, однако, и случаи, в которых связка не пропускается: *се злоєсть* (Лавр. 1068), *кто се єсть?* (Лавр. 975) и др.

3. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступает именная форма прилагательного, но не обязательно на первом месте. Сюда относится сравнительно узкий круг прилагательных. Эти прилагательные характеризуются либо тем, что имеют ярко «оценочное» значение (например, *люб*, *лих*, *добр*, *велик*, *прав*, *виноват*), либо семантически оторваны от соответствующей атрибутивной формы (например, *жив*, *вѣдом*, *свѣдом*), либо, наконец, вовсе не встречаются в атрибутивной функции (например, *рад*, *готов*, *противен* «вражески настроен, находящийся во вражеских отношениях», *недужь* и др.). Вот несколько примеров: *конь умерл єсть, а я жив* (Лавр. 912), *оже ти собѣ не любо, то того другу не твори* (запись в сб. Святослава 1073 г.), *кто сему не рад?* (Лавр. 1024), *да се мы готови* (Лавр. 1097), *и рече Святополк: «Се аз готов уже»* (Лавр. 1103), *сѣдлай, брате, свои брѣзи кономи, а мои ти готови* («Слово о п. И»), *аз им противен, а вам не чему* (Лавр. 884), *аз им противен вѣсм* (Лавр. 1078), *Бирель прав, а Армановичь виноват* (грамота 1284 г.), *аз во вѣсм виноват перед богом и перед ним* (Троиц. 1149), *мы недужи противу вам стати* (Лавр. 971), *и рече им: «добра ли вы єсть?»* (Лавр. 945), *сила єго велика* (Троиц. 1150), *отроци Свѣнльжи изодѣли ся суть оружьєм и порты, а мои нази* (Лавр. 945).

4. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступает именная форма страдательного причастия прошедшего времени: *земля наша крещена* (Лавр. 898), *того же мѣсяца в 18 Никифор митрополит на столѣ посажен* (Лавр. 1104), *и на том крѣст человек* (Рижская грамота 1300 г.), *Мир докончан на старыи мир* (там же) и др.

5. В предложениях, в которых в качестве сказуемого выступают формы на *-о* или на *-ѣ*, обыкновенно толкуемые как наречия. Эти слова характеризуются ярко выраженным «оценочным» оттенком значения; ср. *люб*, *нелюбо*, *лѣло*, *дивно*, *угодно*, *борзо*, *тяжко*, *зло*, *гобино*, *достойно*, *чюдно*, *лють* и др. Например: *люб* *комуждо слушати их* (Лавр. 987), *они же рекоша: «зѣтъ ти любѣ»* (Лавр. 986), *не лѣло у свиници в позрех рѣсы златы* (Моление Даниила Заточника), *диво ли, оже мужь умерл в полку ти?* (Поуч.), *невѣдомо, како ю дѣша* (Новг.), *лють бо граду тому, в нем же князь ун* (Лавр. 1015).

Этот тип предложений становится в русском языке особенно продуктивным. В житии Аввакума мы читаем: *мнѣ бѣдному горько; как били, так не болно было с молитвою тою и т. п.*

6. Особый, весьма значительный разряд бессвязочных предложений представлен словами, выражающими разного рода модальные отношения (допущения и недопущения, возможности и невозможности, необходимости и т. п.). Это слова *лѣзь*, *лѣзя*, *нелѣзь*, *неволя* «падо», *надобе*, *верема*, *ѣ*. е. слова, исторически восходящие к именам существительным. Они употребляются с инфинитивом и без него и сочетаются с дательным лица («логического субъекта»), но могут стоять также в конструкциях, в которых лицо не выражается. Вот несколько примеров:

лѣзь, нелѣзь: потянем, уже нам не лѣзь како ся дѣти (Лавр. 1068), *не лѣзь рчи* («Правда»). В прошедших временах и в будущем времени появля-

ются конструкции с формами глагола *быти*: *бысть съча зла и не бѣ лѣзъ Печенѣгомъ помагати* (Троиц.), *не бѣше лѣзъ коня напоити* (Лавр. 968), *и не бѣ лѣзъ из града выльсти* (Лавр. 968). Форма *нѣльзѣ* становится, повидимому, неразложимой: *Нропѣжу бо бѣша (!) нѣльзѣ перевестися кѣрами с своими* (Киев. свод). В ряде случаев формы глагола *быти* употребляются энклитически: *нѣлза бѣ граждани убити его* (Новг. 980);

неволя: а неволя моя своею головою бялости (Лавр. 1097), *аще ли не хочета, то нам неволя «то мы должны»* (Лавр. 1069), *рѣша же кыяне: «Нам неволя»* (Лавр. 945). В одном случае появляется конструкция с *есть*: *и рѣша кыяне: «неволя есть нам»* (Новг. 945);

надобе: О, любя моя дружина, юже вчера избих, а нынѣ быша (!) надобе (Лавр. 1015), *сам творил, что было надобе* (Поуч.), *а да творят куплю, яко же им надобе* (Лавр. 907), *то Новугороду тяжя не надобе* (Договор Александра Невского 1262—63 гг.);

верема: не верема ныне погубити смерды от ролы (Ип. 1111).

К этой группе слов примыкает также слово *жалъ*, восходящее к имени существительному: *аще тѣ (т. е. ты) не жалъ отчины своя* (Новг. 968), *жалъ бо ему мила брата Всеволода* («Слово о п. И.»); *то лошади жалъ, а самого не жалъ ли* (Лавр. 1103) и мн. др.

Все эти слова порвали, с точки зрения древнерусского языка, связь с категорией имени существительного: *лѣзъ* является застывшим местным падежом единственного числа существительного **lѣdza* «легкость, возможность» (ср. *по-лѣза*); слово *неволя* в значении «(я, ты, он) должен» семантически уже оторвано от соответствующего существительного *неволя* «рабство»; ср. рум. *nevoie* в значении «необходимость, нужда» и «надо, нужно», заимствованное из болгарского; в древнерусском языке это исконное существительное женского рода согласуется в прошедшем времени не с глагольной формой *была* (т. е. **неволя была*), а с формой среднего рода *было*; ср. *неволя мы было пристати в советѣ* (Лавр. 1097); слово *надобе* является застывшим сочетанием предлога *на* и старого существительного **doba* «подходящий момент, благоприятное время», не засвидетельствованным в этом значении в древнерусском языке, но хорошо известным в других славянских языках; ср. ст.-слав. *doba*, чеш. и словацк. *doba* «время, период», от которого образовано и словацк. диал. *nadbe* «надо» (в Гемере); слово *жалъ*—старое существительное со значением «скорбь, печаль, грусть»; ср. словацк. *žiaľ* «печаль, траур»; слово *верема*—существительное, соответствующее ст.-слав. *врѣмѣ*, но употребляющееся, повидимому, только в предикативной функции.

7. Бесвязочные построения находим в инфинитивных предложениях, выражающих модальность невозможности, отсутствия необходимости, неизбежности и т. п.; ср. *уже нам здѣ пасти мы неминуемо погибнем* (Новг. 971), *уже мнѣ своего мужа не възкресити* (Новг. 945), *нам их не перебороти* (там же, 980), *то что нам дѣяти* (Троиц. 1153). Среди инфинитивных предложений особо выделяются конструкции, в состав которых входят отрицательные адвербиальные и существительные наречия типа *нѣкакмо* «некуда», *не коли*, *не чему* и т. п.; ср. *уже нам нѣкакмо ся дѣти* (Лавр. 971), *а о прочих муках потонку неколи говорить* (житие Аввакума), *а дѣлатъ нечева стало* (там же).

Особым случаем употребления инфинитива с модальным оттенком возможности являются в древнерусском языке построения с *видѣти*; ср. *бысть видѣти вѣмъ людем* (Ип. 1113), *первое видѣти столъ Давидовъ, а потомъ, мало пошедъ, видѣти Елеонская гора* («Хождение Даниила», список XVI в.)¹

¹ Форма *видѣти* здесь несомненно обозначает «можно видеть». В некоторых языках модальность в подобных случаях выражается модальными глаголами; ср. англ. *I can see* «мне видно».

Как видно, бессвязочные конструкции в целом ряде случаев являются либо единственно возможными, либо оказываются явно преобладающими. Употребление форм *есмь, еси* и т. д. в аналогичных конструкциях вызвано не столько потребностью сохранить связку в 1-м и 2-м лице всех чисел, сколько необходимостью выразить категорию лица; ср. *вы есте князя, аз есмь князь, а ты князь ли еси* и т. п. Для нас здесь важно, что уже в древнейших памятниках связка 3-го лица отсутствует именно в таких построениях, в которых употребляются слова и формы, переходящие в современном русском языке в состав предикативных слов. Наличие состав таких предикативных слов со временем меняется: из языка (особенно литературного) выпадают слова *льзя, неволя* (в значении модального предикатива), *надобе, веремя* [ср. «но отступать было не время» (Лермонтов, Тамань)]. Зато появляются новые слова, пополняющие состав предикативов. Современный модальный предикатив *можно*, вошедший в антимоническую связь со словом *нелзя*, появляется очень поздно; еще в XVI в. имеется слово *мочно*, *немочно*; ср. ... *на Кострому и в Любим летом за грязми и за болотами торговати ездити будет немочно* «невозможно» (1595)¹, *деньги тебе заплатити мочно ли* (грамота 1516 г.), *денег, господине, мне заплатити не мочно* (там же). Из книжного языка попадают в литературную речь слова типа *возможно, невозможно, должно, необходимо*. Слово *нужно* появляется довольно поздно, причем употребляется первоначально в значении предикатива, выражающего внутреннее состояние человека: *нужно было гораздо у Аввакума* значит «очень тяжело было на душе». Слово *пора* появляется в памятниках не раньше XVII в.: *пора прощатца* (письмо Аввакума 1669 г.), *ныне пора домой* (в грамматике Лудольфа 1696 г.); ср. польское *pora*.

Если фактический состав слов, употреблявшихся исключительно или преимущественно в функции сказуемого, изменялся, то сохранялся сам принцип бессвязочного предикативного употребления некоторых типов слов. Более того, в орбиту предикативных слов тягивались все новые и новые слова и формы, например имена существительные *досуг, недосуг, охота, срам, стыд, лень, беда, не след* и др. Инфинитивная форма *видѣти* заменяется формой *видать*, постепенно утрачивающей парадигматическую связь с формами *видаю, видал*; наряду с ней появляется новый предикатив (*мне*) *видно*; ср. еще *слыхать* (не знающее форм **я слышаю, ты слышаешь*) и *слышно*, книжное *внятно* [ср. «Нам внятно всё» («Скифы» Блока)].

Интересно, что предикативы в обследованных языках, а также в ряде современных славянских языков возникают вокруг нескольких семантико-грамматических «узлов». Это прежде всего слова с разного рода модальным значением, соответствующие германским модальным глаголам типа нем. *können, müssen, sollen, mögen, dürfen*, англ. *I can, I must, I should, I may, I ought to* и т. п. По этому признаку в состав русских предикативов вошли новые слова типа *необходимо, должно*, а также формы слова *должен* (ср. а *вы тѣмъ дължны есте молити за ны* в грамоте вел. князя Мстислава Володимировича, около 1300 г.). Другим семантико-грамматическим узлом, вокруг которого группируются предикативы и слова, переходящие в эту категорию, является отрицание. Поражает обилие предикативных слов и оборотов, употребляющихся только с отрицанием: др.-русск. *неволя*, русск. *нелзя* (при отсутствии в современном языке формы *льзя*), предикативные местоимения *ничего, некуда, незначем* и т. п., всякого рода выражения и обороты, еще не успевшие морфологически оформиться в предикативы, но выступающие только в функции сказуемого: (*мне*) *неведомъ*, (*мне*) *невытерпѣж*, *не след*, *мне не по себе*, *он не у дел*, *он не прочь*, *он тебе не чета*,

¹ См. В. И. Борковский, указ. соч., стр. 70.

он не в духе и т. п. Интересно, что некоторые модальные предикативы, являющиеся формально отрицательными формами, приобрели значение положительное; ср. *не-обходимо*, лат. *ne-cesse* от корня *ced-ere* «уступать», *неволя* «надо, необходимо» и др.

Следует подчеркнуть, что выражения разного рода дифференцированной модальности вообще появляются в языке сравнительно поздно. Только основные модальные глаголы *могу* и *хочу* имеют параллели в других индоевропейских языках. В ряде языков слова, обозначающие модальные оттенки необходимости, восходят к именам существительным, обозначавшим первоначально «отрезок времени, подходящий момент». Сюда можно отнести приведенные выше греч. *ὥρα, χρεία, ἔρρ*, русское *надобе* (из **na dobe*), ст.-слав. *на годъ* (от существительного *годъ*), далее *верема, пора, досуг*¹ и др. Следует сказать, что и немецкий модальный глагол *müssen*, *miss* «я должен» этимологически восходит к существительному др.-в.-нем. *muozza* «досуг». Сравнительно поздним появлением в языке предикативных слов, обозначающих модальность долженствования, допущения, возможности и т. п., объясняется и тот факт, что этот круг слов представлен в славянских языках не всегда одинаковыми словами, отчасти даже заимствованиями; ср. чеш. *musím* «я должен», польск. *muszę* (то же), укр. *мушу, лужик. dyrbime* «мы должны» (нем. *dürfen*) и др.

С точки зрения древнерусского языка предикативные слова типа *лѣзь, надобе, жалъ, верема*, а также *люб, рад, противен, недужь; любо, льпо, дивно, угодно, гобино* и т. п. безусловно относятся к основному словарному фонду. В этот своею численностью сравнительно незначительный круг слов постепенно втягивались, как мы видели, все новые и новые слова. Организуясь в первую очередь по признаку своей синтаксической функции, а также на основании специфических оттенков лексического значения, эти слова со временем оформляются в особый лексико-грамматический класс, в особую часть речи, приобретают свои специфические морфологические показатели. В русском языке для этого существовали более благоприятные условия, чем в языках, сохранивших в качестве основного неглагольного предложения связочный тип предикации. На фоне отсутствия связи в настоящем времени (типа *мнѣ надобе, мнѣ жалъ* и т. п.) сочетания типа *бѣ надобе, бѣ жалъ* и т. п. стали ощущаться как описательные, аналитические формы соответствующих слов. Естественно, что такой переоценке в первую очередь и легче всего подвергались слова, уже оторвавшиеся от именной парадигмы (например *лѣзь, надобе, жалъ*), а также краткие формы прилагательных, не имеющие вовсе атрибутивных форм (*рад, горазд, противен*) или семантически от них более или менее оторванные (*любо, льпо, угодно, нужен, должен* и др.). После утраты русским языком простых прошедших времен единственным показателем времени в сочетаниях *жалъ было, я должен буду, ему надо будет* и т. п. стали слова *был, была, было...* и *буду, будешь, будет...* Эти слова в системе русского языка являются уже не связкой, а лишь формальными показателями времени, своеобразными аналитическими морфемами. Точно так же старая глагольная форма *бы* становится в соединении с предикативами лишь морфемой сослагательного наклонения (*надо бы, пора бы*). Характерно, что в польском языке, где имеем формы типа *byłem, byłiśmy, niostem, niostes, niostbym, niostby*, имеются также формы *trzebaby, możnaby* и т. п.

В современном русском языке некоторые разряды предикативов охарактеризованы энклитичностью (т.е. неполноударностью, акцентологической несамостоятельностью) аналитических показателей времени и со-

¹ Ср. Б. М. Ляпунов, «Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и пр., ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 1.

слагательного наклонения; ср. «Пора было накрывать на стол» (Кочетов, Журбины), «Но вставать было надо» (там же), «Больного было не слышно» (Л. Н. Толстой, Три смерти), «Радостно, молодо было и на небе, и на земле» (там же), «И не смешно ли было жаловаться начальству» (Лермонтов, Тамань), «По обе стороны видны были только плетни огорода» (Чехов, Почта), «Таким образом, налицо было стихийное пробуждение народных масс» (Ленин, Что делать?). В ряде других случаев наблюдается только тенденция к энклизе временных показателей — морфем. Это и не удивительно: в круг предикативов втягиваются новые слова, только постепенно оформляющиеся морфологически; ср. *там было холодно* (где было, по-видимому, еще связка) и модально-возможностное *там холодно было сидеть*, (где было — энклитический временной показатель).

Получив аналитические формы времени и слагательного наклонения, т. е. получив способность морфологического выражения категорий, свойственных всякой предикации, предикативы в русском языке структурно приближаются к глаголу. В некоторых случаях эта близость была настолько значительна, что возникла потребность наделить предикативное слово и другими глагольными показателями, в частности видом. Так, к отдельным предикативам появляются образования от глаголов совершенного вида; ср. *мне понадобилось*, соотнесенное с *мне надо было* (при отсутствии несовершенного вида «мне надобилось»). На протяжении истории русского языка предикативы неоднократно подвергались воздействию глагола и его форм. Еще Ф. Буслаев указывал, что русские диалектные формы *надобе-ть*, *надо-ть* следует объяснять влиянием глагольного окончания 3-го лица единственного числа *-ть*¹. Трудно сомневаться в том, что и форма *тыту-ть*, встречающаяся, например, в «Русской Правде», является попыткой вернуть в систему глагола предикатив *нѣтъ*, *тыту*, еще в доисторическое время оторвавшийся от парадигмы глагола *быть*.

Приблизившись по своей функции и по своей структуре к глаголу, предикативы получили возможность выражать и «грамматическое лицо». Безоговорочное отнесение слов типа *надо*, *нужно*, *жаль* и т. п., а также *холодно*, *смешно*, *удивительно* к «безличным» основано, на наш взгляд, на недоразумении. В предложении *здесь можно курить* действительно имеется безличное употребление предикатива *можно*. Но в предложении *мне можно курить* грамматическое лицо указано. Эти вопросы требуют, однако, более тщательной разработки в связи с переоценкой основных синтаксических понятий.

Трудно согласиться с Н. С. Поспеловым, ограничивающим состав слов «категории состояния» лишь «безлично-предикативными словами»². Правда, Н. С. Поспелов придерживается более узкого и чисто семантического признака категории — именно «состояния», в то время как здесь имеется в виду более широкий разряд слов — «предикативов». Вот почему личные формы *я рад*, *я должен* и т. п. включаются нами, — в согласии с теоретическими взглядами акад. В. В. Виноградова, — в состав той части речи, которую мы называем предикативами.

Состав предикативов постоянно пополняется как раз такими исконными формами кратких прилагательных, которые уже не соотнесены с этимологически соответствующими полными формами: ср. «Не волён ты один решать, Василий Кузьмич!» (Николаева, Жатва), «Он смешишь здоров» (Кочетов, Журбины), «Не молодецкий сердце трепать» (там же). Последний пример показывает, что и полные формы прилагательных, семантически

¹ См. Ф. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, 3-е изд., М., 1868, § 200, 6 (примеч.).

² Н. С. Поспелов, В защиту категории состояния, ЗЯ, 1955, № 2, стр. 57.

расщепляющиеся на несколько значений, могут оказаться под влиянием предикативов.

Важно отметить, что неизменяемость вовсе не является необходимым признаком предикативов. Показатели рода и числа, присущие формам типа *я волен, ты вольна, мы вольны* и т. п., возможность образования степеней сравнения (например, «Да мне эту раму жалче всего» (Николаева, Жатва)) являются наследием тех категорий, из которых в русском языке сформировались и продолжают формироваться некоторые типы предикативов. Точно так же наречия *вечером* и *вечерком*, *утром* и *утренком*, *рядом* и *рядышком* остаются наречиями, хотя в них проявляется прием уменьшительности, свойственный именам существительным. Возникновение любой части речи — процесс весьма длительный. Элементы старого качества лишь постепенно отмирают, уступая место элементам нового качества. Материалы русского языка дают лингвистам исключительную возможность наблюдать за становлением новой части речи.

В результате всего сказанного можно определить предикативы в русском языке следующим образом. К предикативам мы относим слова, могущие выступать и с к л ю ч и т е л ь н о в функции сказуемого и этим самым отличающиеся от имени существительного и прилагательного. Эти последние, правда, тоже могут выступать в функции сказуемого, но их основной функцией является выражение других членов предложения. От наречий предикативы отличаются тем, что они не квалифицируют действия и не являются обстоятельствами. От глагола, наконец, они отличаются отсутствием некоторых категорий, в частности, отсутствием категории вида и залога. Предикативы, в отличие от глагольных форм, не «спрягаются» и не имеют неличных форм (инфинитивов, причастий, деепричастий). Предикативы выражают категории времени и сослагательного наклонения посредством аналитических показателей-морфем. У целого ряда предикативов эти морфемы употребляются энклитически. С точки зрения своего значения предикативы группируются вокруг нескольких семантических «узлов», обозначая модальные отношения допущения, возможности, необходимости, долженствования, разные оценочные оттенки, некоторые разновидности предикативного выражения чувственных восприятий, наличия, состояния и др. Некоторые предикативы могут быть переходными, т. е. допускают при себе прямое дополнение; ср. «Очень больно ногу в бедре» (Шишков, Угрюм-река).

Класс предикативов является в русском языке, в своем ядре, вполне сложившейся частью речи. Аналитические показатели-морфемы, употребляющиеся у предикативов для выражения времени и наклонения, в достаточной мере характеризуют этот класс с точки зрения морфологической. Правда, А. Б. Шапиро не считает возможным признать сочетание форм глагола *быть* с предикативами типичным для этого разряда слов морфологическим признаком. Он полагает, что слова, относимые к «категории состояния» и сочетающиеся в прошедшем и будущем времени с формами глагола *быть*, «ничем не отличаются от имен существительных и полных прилагательных, когда эти последние выступают в функции сказуемого...»¹. Но дело в том, что предикативы в прошедшем и будущем времени сочетаются с неполноударными «формами глагола *быть*», употребляющимися энклитически. Это признает и А. Б. Шапиро, хотя добавляет, что «эмпозитивность (точнее: энклитичность) форм глагола *быть* (автор называет их «связкой») характерна только для некоторых типов предикативов»². Но так как этот признак присущ «только некоторым группам, то причину

¹ А. Б. Шапиро, указ. соч., стр. 49.

² См. там же, стр. 52.

этого нужно искать не в особом употреблении аналитического способа выражения категорий времени и наклонения, а в чем-то другом — вернее всего, в особенном характере лексических значений слов, о которых идет речь»¹. Но раз определенная группа слов выступает исключительно только в одной синтаксической функции (в данном случае в функции сказуемого), раз она характеризуется аналитизмом и энклитичностью выражения категорий времени и наклонения (т. е. в данном случае совершенно особым способом выражения своих грамматических форм) и вдобавок включает в себя слова с «особенным характером лексических значений», то этого, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы выделить такую группу слов в особую часть речи на основании целого комплекса признаков: синтаксических, морфологических и семантических. Спор может идти только о термине и о том, какие слова или группы слов в русском языке уже полностью вошли в эту новую часть речи, а какие лишь более или менее явно тяготеют к ней. Существование же особой части речи, включающей целый ряд предикативных слов, в русском языке нам кажется не вызывающим сомнения.

Класс предикативов в современном русском языке является именно «активно развивающимся» классом, как указывал акад. В. В. Виноградов, втягивающим в свою орбиту все новые и новые слова и разряды слов, а также и целые словосочетания. Вопрос о новой части речи, о «категории состояния», был не случайно выдвинут впервые именно русскими учеными и продемонстрирован именно на материале русского языка. В русском языке, в силу особенно благоприятных условий (утрата связочного типа предложения в настоящем времени), развился особый класс слов, не имеющих прямой параллели ни в классических языках, ни в языках романо-германских, т. е. именно в тех языках, на материале которых и создавалась в прошлом традиционная грамматика. Учение об этом новом классе слов имело серьезное влияние на грамматическую теорию родственных славянских языков. Плодотворная дискуссия о «категории состояния» или о «предикативах» в чешском, словацком и болгарском² языках продолжается. Советскими лингвистами выдвигается особая «категория состояния» в английском языке³. В свете учения о новом предикативном, но неглагольном классе слов требуют нового углубленного толкования такие факты, как нем. *schade* «жаль», *es tut mir leid* «мне жаль», *es tut Not* «нужно», *er ist weg* «его нет» и т. п. В ряде индоевропейских языков имеются, повидимому, небольшие группы слов, подводимые под понятие категории состояния или предикативов, но нигде предикативы не составляют такого ярко очерченного класса слов, как в русском языке.

¹ Там же.

² Ср.: Fr. Kopečný, *Význam krátkých tvarů adjektivních a zejména tvaru neutrálního v češtině*, «Slavia», ročn. XXII, ses. 4, 1953, стр. 567—574; М. Комáрек, *K otázce predikativa (kategorie stavu) v češtině*, «Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci», Praha, 1954; L. Durovič, *K otázce neobyčejných dialektů reči v Slovenčine*, «Jazykovedný sborník», IV, Bratislava, 1950, стр. 125; А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*, Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 358—382; Бл. Блажев, *За думите, които спадат към категорията на състоянието в руски и български език*, «Български език», год. V, кн. 1, 1955.

³ См.: Б. А. Ильин, *О категории состояния в английском языке*, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы» (1880—1944), [Л.], 1951; Л. О. Пипаст, *К вопросу о категории состояния в английском языке*, «Ин. яз. в шк.», 1951, № 5.